

В ярости от ее злобного поддразнивания и жестокости ее уловки, Продиджи был не в том положении, чтобы возражать против ее действий. Поэтому он сделал то, что она просила, высунул язык и провел им по ее пухлым половым губам, закрыв глаза, желая избежать того, как она ухмыляется ему, как ее золотистые волосы рассыпаются по плечам, оставляя ее похожей на ангела любви и дьявола похоти одновременно. Он попал в такую парадоксальную ситуацию с Эммой - великолепная женщина, которая недолюбливала его таким странным специфическим, но странным образом, желая заняться с ним сексом, но стремясь заставить его дорого за это заплатить. Если бы только она могла вести себя более здраво, больше походить на ту женщину, в которую он дважды проникал на рождественской вечеринке с... С кем-то. Даже спустя несколько недель после той ночи он не мог собрать воедино ничего, кроме туманных пятен и сильных ощущений.

"Твой язык как всегда хорош", - промурлыкала она, облизывая губы и откидывая голову назад, несколько раз ударяясь о его лицо, чтобы поддразнить его и еще больше утвердить свою власть, а затем немного замедлилась, чтобы медленно прижаться к его губам. "А почему бы и нет? Ты получаешь так много практики, ты должен быть благодарен, ты получаешь удовольствие от красивой женщины, и ты получаешь возможность узнать, как сделать мисс Гвинн счастливой. Не скажу, что тебе это совершенно необходимо, но, возможно, для тебя найдется место в воспитании следующего поколения мутантов; ты будешь радовать женщин своим невероятным ртом, пока мы ждем своей очереди". Ей нравилось дразнить его, особенно сейчас, когда он не мог двигаться. Она, конечно же, прощупывала его разум, чувствуя всю бурлящую ярость, гнев, который вызывали ее слова, пока его мышцы тщетно пытались пошевелиться и взять ситуацию под контроль. Она полностью держала его в своей власти и отказывалась от нее ни за что, и ей нравилось, что он все еще пытается.

Как бы он ни был зол, Дэвид продолжал лизать. Насколько он мог, учитывая, что у него был только язык, он, вероятно, делал лучший куннилингус из возможных в данных обстоятельствах. Он не мог использовать шею или руки, не мог делать ничего, кроме как ласкать ее вытекающие складки, покачивать кончиком языка ее клитор, пока ее позвоночник не выгнется дугой, или погружать свой язык глубоко в ее глубины и вылизывать ее дрожащие внутренние стенки от ее восхитительного нектара. Он знал, что вкус ее пениса вызывает привыкание только благодаря ее вмешательству, но он почти не возражал, ему нравилось, что он может наслаждаться этой задачей, учитывая, как часто она настаивала на том, чтобы получить голову. К счастью, близость не была проблемой; ее вес опустился прямо на его рот, прижимая ее бугор плотно к нему, а она продолжала теревить его носом в своем аккуратно подстриженном кусте, просто для дополнительной грани доминирования, которая пришла с этим, возбуждение от такого полного доминирования над ним и демонстрации ему, что она полностью контролирует ситуацию и его.

"Радуйся, что ты так хорошо умеешь есть киску, это то, что держит тебя рядом". Она была не совсем правдива, поскольку ее насмешки перешли в область грязных разговоров и контроля над ним, и Дэвид мог это понять, но это все равно глубоко ранило его. Его борьба не прекращалась, он пытался пошевелиться, чтобы преодолеть ее эффект хромоты и заставить мышцы работать, хотя бы для того, чтобы справиться с болью в члене. Когда по его лицу скачет великолепная женщина, которая была достаточно глубоко в его голове, чтобы испортить его представление о вкусе ее киски, сделав ее самым невероятным вкусом в мире для него, это делало определенные вещи с мужским членом и его потребностями. Она прекрасно знала этот факт, поэтому улыбнулась и добавила: "Я точно знаю, что ты пытаешься сделать, и это не работает. Даже если ты сможешь хоть немного подергать пальцем, я только сильнее

прижмусь к тебе. Жаль, что ты так и не узнал, как преодолеть телепатию. Это могло бы пригодиться".

Охваченная чувством власти и захватывающим ощущением езды на его удивительном языке, ярость побуждала его поглощать ее киску еще интенсивнее, чтобы доказать ей свою правоту, Белая Королева вскоре обнаружила, что бешено скачет на его лице. Она скакала на нем, прижимаясь к его губам, жадно ища наслаждения, крепко ухватившись за этот момент и убедившись, что она одержала полную победу. Вскоре эта победа обрела лицо: оргазм накатывал мощными, пульсирующими волнами обжигающего наслаждения. Она вскрикнула, сильно выгибаясь на его языке, и быстро и сильно кончила, оставив Продиджи пить свободно текущие соки директрисы. Она была в восторге, наслаждаясь моментом и потрясающим кайфом от того, что она так доминирует над кем-то.

"Мм, даже Скотт не смог добиться такого результата от одного лишь языка", - промурлыкала она, отрываясь от его лица и позволяя ему, наконец, вдохнуть воздух, не перегруженный ароматом ее киски. "Как бы мне не хотелось давать тебе какое-либо положительное подкрепление, я думаю, что такое замечательное исполнение заслуживает награды".

"Отлично, так ты отпустишь меня, и мы сможем заняться сексом, как два нормальных человека?" - сухо спросил он, прекрасно понимая, что его ответ был неправильным, но у него просто не было времени трахаться.

"Конечно, нет", - сказала она, возбужденно отступая назад и вновь открывая Дэвиду полный вид на свое великолепное тело во всей его красе, обрамленное белым и придающее ей ту чистоту, которой за прошедшие недели вся школа с разной скоростью обнаружила, что она просто не обладает. Особенно когда она, прикусив губу, поправляла волосы и хваталась за его член. "На самом деле, ты сегодня не столько любовник, сколько теплый, живой фаллоимитатор, способный подарить мне то ощущение, когда я кончаю внутрь, которого так не хватает моим игрушкам".

"А люди говорят, что романтика умерла", - фыркнул он в ответ, и она со стоном опустилась к нему на колени. Его нижняя губа слегка дрогнула, когда он резко вдохнул, но все остальные инстинкты, которые его разум был обучен ожидать, учитывая огромный объем секса, который он внезапно получил, не проявились. Он оставался неподвижным, разочаровывающе неподвижным, пока его член, единственное, что не хромало во всем его теле, погружался в тугое тепло великолепной киски Эммы. Он сидел на ней как перчатка, набивая ее членом как надо, и, как бы ей ни хотелось признать это, она присоединилась к его стонам.